

А. Ф. Раевский

ВОСПОМИНАНИЯ
О ПОХОДАХ
1813 и 1814 годов

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ

МЕМОАРИ

Военные мемуары (Кучково поле)

Андрей Раевский

**Воспоминания о походах
1813 и 1814 годов**

Издательство «Кучково поле»

УДК 335/339-05
ББК 63.3(2)47

Раевский А. Ф.

Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов / А. Ф. Раевский —
Издательство «Кучково поле», — (Военные мемуары (Кучково
поле))

ISBN 978-5-9950-0288-8

«Приятное воспоминание трудов и опасностей, понесенных россиянами в знаменитых бранях последних годов, побудило меня излагать мысли мои на бумагу, дабы тем удобнее сохранить их для себя и для добрых моих сослуживцев», – писал Андрей Федосеевич Раевский, талантливый поэт, брат знаменитого декабриста Владимира Федосеевича Раевского о своей книге «Воспоминания». Это эмоциональный рассказ о заграничных походах русской армии 1813–1814 годов. Повествование представляет собой не хронику военных действий, а скорее личный дневник автора, участника событий. Книга живо передает настроения эпохи и будет интересна широкому кругу читателей и специалистам.

УДК 335/339-05
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0288-8

© Раевский А. Ф.
© Издательство «Кучково поле»

Содержание

Часть 1	6
I	6
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Раевский

Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов

© «Кучково поле», 2013

* * *

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ НИКОЛАЮ МАРТЬЯНОВИЧУ СИПЯГИНУ, МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

Примите, Ваше Превосходительство, приношение мое, как слабый знак душевного уважения и признательности, которые вечно сохраню к Вам в сердце моем.

Издавая в свете сии записки, я не ищу ни славы писателя, ни одобрения журналистов; критика обратилась ныне в ругательство, и я решился, принимая справедливые замечания с благодарностью, не отвечать на колкости. Приятное воспоминание трудов и опасностей, понесенных россиянами в знаменитых бранях последних годов, побудило меня излагать мысли мои на бумагу, дабы тем удобнее сохранить их для себя и для добрых моих сослуживцев. Я не входил в подробное описание ежедневных переходов и перестрелок, столь часто случавшихся, и которые, в сравнении с действиями большой армии, не заслуживают ни малейшего внимания. На языке отечественном имеем мы самые верные маршруты от границ Китая до Кадикса, а реляция дел, совершенно неважных, навела бы только скуку. Я изображал то, что чувствую, изображал вещи в таком виде, в каком они представлялись моему взору. Без сомнения, мог иногда ошибаться, не надеюсь, чтобы и слог мой был совершенно изъят погрешностью, но самолюбие мое будет утешено, если те, для которых издаю книгу эту, прочтут ее с удовольствием.

Я имел намерение присоединить к этим запискам историческое обозрение состава и подвигов ополчения 3-го округа. Оно займет слишком много места, и я, за недостатком способов, должен отложить приятную обязанность отдать должную справедливость великодушному самопожертвованию российского дворянства. Благоклонное принятие сих двух частей даст мне возможность исполнить со временем мое обещание.

Андрей Раевский

Часть 1

I

Дорога от Устилуга до Варшавы

Переехав мост на Буге, я простился с Россией. Двуглавый орел, бодрствующий над благом ее от пределов Китая до Черного моря, хранящий благотворные законы ее от холодных ущелий древней Скандинавии до областей Персиды, остался на высоких утесах с той стороны Буга, здесь встретил нас изнуренный, едва дышащий орел Польши, стесненный в углу герба Саксонского.

Итак, я за границей! Какое странное, непонятное чувство производит в душе нашей это простое слово, означающее только предел власти одного лица или правительства! Могу ли рубежи России почитать своим Отечеством? Владычество Александра простирается в степях киргиз-кайсаков, чеченцев, алеутов, но могу ли назвать их моими братьями? Между тем какое-то невольное, горестное ощущение объяло душу мою, когда смотритель таможни велел поднять шлагбаум и пожелал нам счастливого возвращения! Увы, он не мог пожелать ничего лучше. Путешественник, отправляющийся в чужие земли из прихоти или любопытства видеть новые лица, новые предметы, ожидает одних только удовольствий, но воин, прощаясь со всеми выгодами жизни, готовясь к одним трудам и неся в жертву жизнь, имеет в виду только благоденствие Отечества и слабый, невержный призрак славы, которую должен купить ценой опасностей и крови. С горестью смотрел я на шумные ряды юношей, толпившихся на мосту с радостными песнями и поздравлявших друг друга с переходом *за границу*. Многие ли из вас, думал я, увидят отеческие дома и своих ближних? Раны и болезни ждут вас, храбрые товарищи, холодные сердца чужеземцев не будут сострадать вам, не прострут утешительной руки помощи на одр нищеты и страдания! Сколько бедствий должны претерпеть вы для достижения своей цели!

Погруженный в сии печальные мысли, медленно следовал я по песчаной дороге к *Хелму*. Я ехал с полковником Р-чем; жена его провожала нас версты две за границу. Трогательное их прощание против воли исторгло несколько слез из глаз моих, но слезы эти смешаны были с приятной уверенностью, что *любовь* и *дружба* существуют в мире. Признаюсь, что и эгоизм вмешался в мои чувства: он давал мне надеяться, что есть люди, которые и меня будут помнить.

На другой день увидели мы старинные башни *Хелма*. Один из наших товарищей, служивший под знаменами великого Суворова, с восхищением описывал нам окрестные места, которые были свидетелями славы непобедимых войск наших. Новые брани изгладили следы прежних, редкие из здешних жителей говорят теперь о Екатерине, Суворове, настоящее всегда занимает более, нежели прошедшее. Все жалуются на своеволие саксонцев. И самые ожесточенные неприятели не могли поступать бесчеловечнее сих союзников и друзей Польши. Жалобы были бесполезны: легко вообразить можно, что в состоянии сделать солдаты, необузданные страхом наказания.

Некогда *Хелм* был окружен укреплениями, но теперь не видно и остатка оных. Городок весьма плохой. Квартира наша была в древнем огромном здании, принадлежавшем какому-то монастырю, а теперь занимаемом епископом Хелмским. Один из духовных, находящийся при сем Епископе, встретил и проводил нас в отдаленные комнаты. Я чрезвычайно обрадовался, узнав, что он говорит по-французски и по-немецки (в польском языке мои успехи были очень невелики). Весьма умно и справедливо рассуждал он о настоящем положении Польши. «Молодые люди, — говорил он, — обольщенные славой и мнимым величием Наполеона, почитают честью и славой служить под знаменами *первого полководца всех времен и народов*. Тысячи

из них погибли в Испании, Италии, Германии и России, но еще тысячи готовы жертвовать жизнью для ложной славы и прихоти гордого честолюбца, который обольщает их скорым восстановлением отечества. – Десятилетний опыт не просветил их, не самим ли себе обязаны поляки свержением ига австрийского? Не везде ли были они первым оплотом войск французских? И какую награду получили за это? Мнимая вольность, купленная кровью, превратилась в рабство, свергнув отеческое правление Австрии, бедная Польша сделалась провинцией короля саксонского. Каждый французский генерал имел власть неограниченную, собственность, и сама жизнь находилась в руках жестоких деспотов. Министры и прочие государственные чиновники без всякого опасения грабят несчастное отечество, вельможи пользуются всеобщим беспорядком для поправления расстроенных дел своих. Мало или почти совсем нет истинных патриотов, которые без всякой корысти занимались бы благом своей отчизны».

Бедная Польша! Бедные поляки! Что приобрели вы гибельной дружбой Наполеона? Весьма кстати привести здесь странное, но справедливое замечание одного (мнимого) путешественника:

- Какая это земля? – спрашивал он, въехав в Польшу.
- Герцогство Варшавское.
- Какой же здесь народ?
- Поляки.
- Кто герцог?
- Король саксонский.
- Какие у них законы?
- Французские!
- Какие деньги здесь ходят?
- Прусские!

Смешное, но истинное изображение слабости и рабства.

Честолюбие нескольких человек привело Польшу на край гибели. Видное дворянство утешалось лестной мечтой, что повинуетса самим им избранному монарху, что голос каждого имеет силу в собрании народном, но как редко случалось, особенно в последние времена, чтобы король возведен был на престол общим, свободным желанием государства. Не всегда ли происки и штыки иностранцев руководствовали *выбором*? Рассказывают смешные анекдоты об этих собраниях. «Не позволим!» – кричал один шляхтич при избрании Станислава Лещинского. «А почему?» – спрашивал у него приверженный к Лещинскому. «Да потому, что сосед мой не согласен». Было множество подобных случаев, ибо редкий из присутствующих знал даже по слуху выбираемого короля.

Я хотел видеть город, добрый ксендз не отказался быть моим спутником. Не найдя ничего достойного особенного внимания, возвращались мы домой. Поляк показал мне равнину у самого города, на которой за двадцать лет перед этим сражались русские. Разговор коснулся Костюшки.

– Он был храбрый, благородный человек, – сказал мой спутник, – но не в силах был поддержать один полусокрушившееся здание независимости польской.

В то самое время увидели мы медленное шествие похорон, довольно великолепных.

– Кого хоронят? – спросил я у сопровождавших гроб.

Мне сказали имя одной очень богатой помещицы.

– История сей женщины, – говорил ксендз в продолжение пути, – достойна любопытства и может служить весьма полезным уроком *для призывающих все имя Господне*. Есть люди, которые не вменяют в преступление необдуманные, страшные клятвы, иные от безрассудной ветрености, другие от разврата, но рано или поздно Божеское мщение постигает их. С***, муж сей дамы, человек довольно богатый, живет в нескольких верстах от города, собаки и лошади занимают его более, нежели семейство. Равнодушно смотрел он на ветреные

поступки жены своей, которая, родясь с добрым, чувствительным сердцем, но, к несчастью, с сильными страстями, дала излишнюю волю своему воображению. Года за два перед этим приехал в наш город полковник с прекрасной, милой женой. Все любили их за гостеприимство и редкое дружелюбие. С*** познакомилась с ними и, невольно сравнивая хладнокровного своего мужа с пылким полковником, забыла свои обязанности. Легкомысленный полковник, обольщенный ее ловкостью и любезностью, нарушил также обеты супружеской верности. Связь их была несколько времени тайной, но можно ли утаить что-либо от пронизательного взора нежной любви? Скоро подозрение превратилось в печальную достоверность: случай доставил в руки обманутой супруги (назовем ее Аполлонией) письма любовников – неоспоримое доказательство ее несчастья. Оскорбленное самолюбие укротилось несколько слезами и раскаянием супруга, который дал ей клятву не видеть более соперницы. Истинная любовь снисходительна: казалось, спокойствие возвратилось в ее сердце. Но в один праздник С*** была в церкви, случилось нечаянно, что полковница, не приметив ее, села рядом с ней. Едва увидела она виновницу жестоких своих мучений, слезы градом покатались из глаз ее, между тем преступная С***, страшась невыгодного для себя суждения публики и не зная совсем о письмах, доставшихся Аполлонии, стала уверять ее в своей невинности и в неосновательности ее подозрений. Легко можно вообразить, с каким презрением слушала несчастная Аполлония эти притворные уверения. В это время священник вынес Святые Дары. «Клянусь вам кровью Спасителя, – продолжала С***, – что ни в чем не виновна; если я говорю неправду, пусть накажет меня небесное правосудие ужасными, неслыханными мучениями!» С трепетом в сердце слушала Аполлония страшные эти клятвы, холод разлился по ее жилам, она не могла сидеть долее, и вышла. Но с того времени гнев Божий отяготился над преступницей, тело ее покрылось ранами, несносная тоска преследовала ее повсюду, и, после истинно неслыханных страданий, продолжавшихся более года, она скончалась в тяжких мучениях. Но прежде смерти просила ради самого Бога полковницу облегчить прощением горестную разлуку ее с жизнью. Добрая Аполлония не отказала ей в этом последнем утешении: она простила ее от всей души. Может быть, и Судья небесный помилует ее, оставив людям грозный пример наказания за ложные клятвы.

Ужас и печаль стесняли грудь мою во время повествования ксендза. С*** была преступница, но нельзя не чувствовать к ней сострадания, видя, какими бедствиями наказал ее Промysl. Человек без религии, без нравственности не поверит сему происшествию, но истинный христиан познает в нем следы небесного правосудия, часто долготерпеливого, но всегда неизбежного. Весь вечер провел я грустно, размышляя о слышанном мною. На другой день, простясь с умным, добрым ксендзом, пустился далее в путь, не зная и сам, куда ведет меня невидимая рука судьбы. Без всякого внимания проехал я *Безек*, *Крешмов* и *Менковицы*, усталость приготавливала мне спокойный ночлег, необходимость делала все труды сносными. В селении *Менковицах* провел я вечер довольно приятно в кругу приветливого, гостеприимного семейства помещика Фредро.

Люблин показался мне очень худым городом, когда я въезжал в оный, но, выезжая, совершенно переменял свои мысли. Город довольно велик, много есть прекрасных каменных домов, обширный, хороший сад приглашает насладиться приятной весеннею погодой. Я видел множество гуляющих дам, и заключил (по их одежде и обращению), что *Люблин* не имеет недостатка в приятном обществе. Это весьма редко в небольшом польском городе, ибо помещики живут в деревнях своих, все купцы из евреев, а должностных немного. Через селение *Ясково*, местечки *Маркушев* и *Куров* в тот же вечер приехал в *Пулавы*. Я так много слышал об этом очаровательном жилище князей Чарторижских, так нетерпеливо желал видеть оное, что, в ожидании будущего удовольствия, забыл все неприятности несносной, скучной дороги. Приближаясь к Пулавам, увидел я в середине прекрасной рощицы выстроенный со вкусом и великолепием *летний дом*, посвященный старой княгиней дочери своей, княгине Замойской. Мне отвели квартиру в одном из флигелей замка. Висла течет перед моими окнами, великолепный дворец,

ряды пирамидных тополей, огромные здания восхищают глаза мои... удовольствие, и сам не знаю от чего происходящее в моем сердце... Чего желать мне более? А все чего-то недостает. Верно, умеренности в желаниях.

На другой день, проснувшись очень рано, спешил я насладиться великолепной природой. На возвышенном берегу *Вислы*, под тенью каштанов, пили мы чай. Давно уже не был я так счастлив! Много трудов и неприятностей должен переносить воин, но зато с каким удовольствием ловит он быстрые, редко встречающиеся минуты радости. Беспреданное *одно и то же*, даже хорошее, наскучит. Польша, в отношении к разнообразию, едва ли не имеет преимуществ перед всеми другими странами. Какая удивительная противоположность бедности и богатства, надменности и унижения, невежества и самого утонченного просвещения! Загляните в полуразвалившиеся хижины селений и местечек – нищета ужаснейшая представится взору вашему: крестьяне в рубищах, умирая от голода и стужи, походят более на бедных невольников Туниса или Алжира, нежели на свободных хлебопашцев европейского государства. Презрительное уничтожение евреев, неопрятность жилищ их, странная одежда и обычаи переносят вас в мрачные вертепы бесчеловечного владычества Турции. Песчаная, каменистая почва земли, болота и леса не доставляют никакого удовольствия сердцу, утомляют зрение... Но вдруг по прекраснейшей аллее величественных тополей приближаетесь к огромному замку какого-нибудь вельможи. Здесь найдете все, что богатство и роскошь имеют прелестнейшего. Истинно не знаете, чему более удивляться: царской ли пышности надменного владельца или благородной, непринужденной любезности его семейства. Великолепие и вкус убранства, очаровательные сады, где искусство побеждает часто природу, многочисленное, отличающееся ловкостью и умом общество заставляют думать, что вы находитесь при шумном дворе какого-нибудь монарха! Жестокие двадцатилетние страдания и беспреданная война хотя уменьшили приметным образом в Польше роскошь, но следы оной еще не изгладились. Прежде каждый вельможа имел надежду сделаться королем и потому старался ослеплять народ своей пышностью, сильные монархи не считали унижением вступать в родство с польскими вельможами.

В нескольких шагах от меня явился другой чайный столик, за которым сидел молодой человек и несколько дам. Солдат имеет право знакомиться без всяких лишних церемоний. Вскоре узнал я, что сосед мой называется Михайловским, что, будучи совершенно разорен войсками, он оставил деревню свою на Буге, со всем семейством переехал в Пулавы, что благодетельная княгиня делает со своей стороны все для облегчения их несчастий. Тесть его, генерал Каминский, в плену у русских, но в письмах своих он так много превозносит снисходительность и человеколюбие неприятелей, так доволен местом своего пребывания (он находился в Белой Церкви), что дочь его поневоле должна была считать русских друзьями.

С каким прискорбием смотрел я на горестное их положение. Они еще не совсем несчастливы, ибо нашли отраду и помощь, но сколько есть страдальцев, которые заплатили голодной смертью за то, что честолюбец стремился к завоеваниям мимо жилищ их!

Новый мой знакомец, человек, добрый и просвещенный, говорил с восхищением о добродетельной княгине, которая приехала из Австрии единственно для того, чтобы присутствием своим предохранить подданных от могущих встретиться им притеснений. Политические обстоятельства побудили супруга ее, старого, заслуженного фельдмаршала, переселиться в Галицию. С тех пор великолепные Пулавы, где гостеприимство и щедрость разливали некогда счастье и веселость, опустели. Михайловский рассказывал мне, что прежде гостили у князя по сто семейств и более. Все желания, даже прихоти их были предупреждаемы. Это почти невероятно!

Чудесный, восхитительный сад занимает обширное место на правом берегу Вислы, рукав которой (уверяют, что в этом месте было настоящее течение реки, но лет сто назад обратилась она несколько правее), подобно огромному, искусством сделанному бассейну, украшает нижнюю часть сада. Я был в *Пулавах* только три дня, а надобно быть, по крайней мере, три недели,

чтобы увидеть все, достойное любопытства. С большим вниманием рассматривал я *павильон редкостей*. Наружные стены его украшены обломками древних гробниц, зданий и памятников веков протекших, из *Геркуланума*, *Помпеи* и из других мест доставленными, несколько урн с прахом умерших, множество различных монет и антиков возбуждают любопытство и мрачные мечты о минувшем. Внутри комнаты отделаны великолепно в новейшем вкусе, жаль, что мне случилось быть здесь в военное время: лучшие вещи и украшения вывезены.

Понравилась мне также липовая аллея: ветви дерев сплетены вверху наподобие потолка, местами сделаны древесные беседки или храмики. Здесь являлась некогда пышность Чарторижских во всем блеске. Аллея эта превращалась в великолепную залу, разноцветные огни освещали ее, в каждой беседке находились прихоти роскоши, в одной турок предлагал левантский кофе, в другой китаец – ароматный чай, грек, русский и индеец, каждый одетый по-своему, угощали веселых гостей произведениями стран своих. Сюда собиралось все образованнейшее, знатнейшее общество Польши. По вечерам весь сад был иллюминирован, очаровательная музыка прельщала слух, танцы и прогулки придавали новые крылья быстролетящему времени. Счастлив тот, кто умеет столь приятно наслаждаться дарами фортуны!

Далее видел я мраморную, чудесно сделанную статую *Танкреда*, убившего *Клоринду*. Работа превосходная! На мраморном пьедестале стоит герой Тасса, взирая с немим отчаянием на труп милого противника. С удивительным искусством изобразил художник ужасы смерти на спелых ланитах убиенной! С восхищением и горестью смотрел я на эту статую, песни воинов наших, переправлявшихся через Вислу, поразили слух мой, и я думал быть сам участником великого подвига древних христиан. Часть сада, украшенная изваянием Танкреда, есть самая приятная и роскошная. Великолепные фонтаны и мраморные бассейны, столетние каштаны и тополи, прелестные луга, струями Вислы орошаемые, – все восхищает глаза и сердце. Приближаясь к каменистому холму недалеко от сего места, я увидел мраморные доски в скале горы, они напоминали владельцу Пулав умерших друзей и родственников – черта чувствительности, которая делает честь уму и сердцу князя Чарторижского. Еще приятнее для меня было видеть памятники генералу Грабовскому, молодому человеку, убитому под стенами Смоленска, одному пастору, прославившемуся своим добродетельным житием, и польскому автору Княжнину. Они служат доказательством, что князь умеет ценить достоинства во всех состояниях. И действительно, кроткий служитель веры, красноречивый питомец муз и бесстрашный сын Беллоны, исполнившие долг свой, имеют равное право на уважение современников и потомства.

Возле этих памятников есть небольшая пещера в расселинах горы; войдя в нее, неприметным образом являетесь на самой вершине холма. В этих мрачных переходах благочестие соорудило простой, но величественный алтарь Богу. На груде диких, мхом поросших камней возвышается крест, знамение искупления нашего. Отверстие, в вершине сделанное, изливает слабый, бледный свет, исполняющий душу истинным благоговением.

Достоин также любопытства мостик на пути к оранжереям. Под ногами вашими катятся кареты и коляски, тянутся обозы – и все это в середине сада, уступ этот, с обеих сторон одетый камнями, имеет несколько сажень глубины и выходит на большую дорогу у самого замка. Оранжереи прекрасны, великолепны, плоды и ягоды всякого рода восхищают зрение и вкус, но видно, что присутствие владельца не оживляет деятельности садовника.

У подошвы горы есть маленький домик со всеми принадлежностями сельского хозяйства. Жена польского министра финансов Матусевича, умирая, поручила княгине едва открывшую глаза дочь свою, для ее забавы сделан этот фольварок (так называется по-польски небольшое господское строение, при котором находится гумно и другие заведения). Куры, гуси, различные домашние животные, американские лошадки, огород – словом, все прихоти деревенского хозяйства соединены здесь для пользы и удовольствия. Тут часто встречает вечер умная, добрая княгиня, наставлениями своими и примером научает добродетели и счастью. Я сам провел

здесь один приятный, несравненный вечер в тихом семейственном кругу ее. Я имел случай оказать ей небольшую услугу, за которую вознагражден весьма много ее ласками и приветливостью. Страстно любит она славу и свободу своего отечества. Печальные события настоящего времени, мрачная неизвестность будущего приметным образом беспокоили ее сердце, но, уверенная в благородных чувствах Александра, она предрекла мне скорую независимость Польши.

Не могу также пропустить в молчании и великолепный надгробный памятник родителям князя Чарторижского, и не огромный, но вкусом и привлекательной архитектурой пленяющий зрение храм *прошедшего будущему* (*Przeslosc Przyszlosci*). В то время он был затворен, хранившиеся в нем оружие и другие редкости были вывезены в Галицию.

Фасад и внутренность дворца делают честь вкусу строителя. С особенным удовольствием провел я несколько минут в комнатах, которые занимаемы были императором Александром. Вид из окон чудесный! Мне удалось также видеть Пархаток, маленькое селение, принадлежащее княгине Чарторижской, в трех милях от Пулав. Редко видел я такое прелестное, восхитительное местоположение. По крутой горе, одетой прекрасной рощей, сделаны очень покойные дорожки, *Пулавы*, *Казимирж* (городок в полутора милях от Пулав) и множество селений на Висле очаровывают взоры.

Последний вечер в Пулавах провел я очень приятно, в обществе добрых, любезных дам – и ночью, мечтая об удовольствиях, обо всем виденном мною, был уже на пути к Варшаве. Дорога прескучная! Нет ни одного порядочного местечка до города *Туры*, в пяти милях от *Варшавы*. Здесь увидел я несколько хороших улиц и много каменного строения. Время было прекрасное, – в городе нет ничего достойного внимания, – прошел за город, смотрел на работы, которые производятся с великой деятельностью. Весь правый берег покрывается укреплениями. «Боже! – думал я, – сколько еще крови должно пролиться для укрощения жестокого тирана Европы!»

II

Герцогство Варшавское

Переехав понтонный мост у м. *Туры*, через несколько часов увидели мы необозримую громаду камней. «Это Варшава», – сказал проводник наш. Напрасно взоры мои искали картины величественной, необыкновенной – ни с которой стороны столица Польши не восхищает зрения: длинный, беспорядочный ряд кровель, большей частью черепичных, и изредка мелькающие верхи храмов не имеют ничего прелестного. Только от *Праги*, лежа на высоком берегу Вислы, вид ее несколько разнообразнее, но грязные улицы и почерневшие от времени и небрежения стены прибрежных зданий ослабляют первое приятное впечатление.

Въехав в город, я ожидал найти в нем торжество вкуса, богатства и зодчества. Имена *Радзивилов, Сапег, Любомирских, Чарторижских, Потоцких* живо напечатлены были в моей памяти, но пышные поляки, приносившие все в жертву своей гордости и тщеславию, были скупы для украшения столицы государства. Я видел две-три изрядные, но не великолепные улицы, видел несколько огромных чертогов, впрочем, везде тесноту и неопрятность, – нет даже и следов изящной архитектуры. Невольно пожалел я о бедных поляках, которые называют (или, по крайней мере, называли) нас варварами. Если устройство городов и сел, если памятники славы предков, порядок гражданских учреждений дают право народам стоять на высшей степени просвещения и величия, то, без всякого сомнения, поляки должны уступить нам во всем первенство. Для подтверждения слов моих я советую им побывать – не говорю в Петербурге или Москве, – но в отдаленнейших областях владычества России. Тобол, Волга, Ока и Дон отражают в чистых струях своих роскошные города ее, которым подобных я не видал в Польше.

Во всяком порядочном доме русского дворянина есть небольшая, вкусу его и знанию соответствующая библиотека. В Польше у некоторых богатых помещиков видел я шкафы, наполненные книгами, но большей частью французскими и немецкими. Польские авторы имеют весьма мало читателей. Правда, что почти каждая девушка знает наизусть множество песен, славе и свободе своего отечества посвященных, это делает им честь, но не ускоряет хода успехов отечественной словесности, ибо почти все достоинство этих песен заключается в громких словах, к прославлению отчизны служащих.

В герцогстве Варшавском нет почти ни одного купца – природного поляка, все торговые сношения в руках жидов и иноземцев. Напрасно приписывают это гордости народной, ужели бедному шляхтичу предпочтительнее служить камердинером или лакеем, нежели оборотами ума своего способствовать благосостоянию государства?

В чем же отстали мы от гордых соседей наших? Я извиняю, даже хвалю привязанность поляков к отечеству, но осуждаю их несправедливость к русским. Политика имеет свои правила, перемена которых не во власти людей частных. Бессмертная Екатерина, для безопасности областей своих, решилась сокрушить мятежную Польшу, и по мании руки ее орел российский окрылил Литву, лесами изобильную, плодоносную Волынию, богатую Подолию, оплот от набегов турецких, и, наконец, все пространство от Днестра до Вислы – преграду честолюбивым замыслам прочих владетелей Европы. Польза государства побудила ее поднять оружие, но побежденные стали братьями победителей, сделались нежно любимыми сынами великодушной Матери Отечества... По моему мнению, поляки, разделом 1794 года потеряв вес в политическом бытии народов, выиграли весьма много в отношении к нравственности и спокойствию общественному. Прежде одна сила господствовала, и самые законы повиновались дерзости и самовластию жестоких себялюбцев, богатый и бедный, сильный и слабый стали равны перед престолом Владычицы самодержавной. Не количество золота, не огромность древа родословного давали право на чины и отличия, но истинные заслуги, сердце и ум просвещенные.

Избирательное правление привело Польшу на край гибели. Не патриотизм, но честолюбие и интриги вели к ступеням трона польского. Мог ли правитель заниматься спокойно благом подданных, когда сам не был уверен в собственной своей безопасности? Мог ли положиться на вельмож, которые были личными врагами монарху и в душе почитали себя достойнейшими венца? Мы видели тщеславного Паца, с воинами литовскими стоявшего в бездействии перед Каменцем-Подольским, в то время как великий Иоанн Собиеский с горстью ратников сражался, почти на глазах его, с многочисленными толпами турков. Народ, потерявший уважение к правителям своим, потерял и сам право на уважение соседей. *Свобода* и в настоящих обстоятельствах была причиной почти совершенного падения Польши. Опыт веков и царств не ясно ли доказывает, что *равенство, свобода, воляность* суть пустые слова, которыми пользуются честолюбцы для достижения верховной власти. Там Кромвель, под скромным наименованием *Протектора*, правил деспотически Англией, и народ, везде легкомысленный, склонный ко всему новому, плавающая в крови, славил свою независимость. Ужасная, свежая в памяти людей картина Французской революции служит еще разительнейшим доказательством слов моих. Редко законный государь бывает тираном, он не страшится потерять короны, которая по всем правам сделалась его собственностью, длинный ряд предков освятил ее своими подвигами. И самое унижение, – если можно назвать унижением повиновение власти законной, – делается священной обязанностью при мысли, что отцы и деды наши служили им, что их доблести утвердили и вознесли славу страны своей. И можно ли предпочесть ему хищника, который из самого низкого звания народного ступил на вершину величия человеческого? Ужас и трепет стоят на страже дверей его, под каким бы названием ни принял он правление, видя перед собой людей, которые некогда были его выше и имели еще большее право на присвоение владычества, он употребляет все средства для истребления мнимых врагов спокойствия общественного. Воздвигаются эшафоты, тысячи жертв падают – и бедные граждане, с содроганием в сердце, должны прославлять свою воляность... Вот состояние почти всех бывших республик.

И где следы благоденствия, обещанного Наполеоном Польше?.. Прежде богатая, плодородная страна представляет теперь только нищету и запустение. Напрасно станут относить это к происшествиям военным. Под державой Франца и Вильгельма поляки были довольны, Дунай и море Балтийское, в замену избытков земледелия, возвращали им золото и другие драгоценности чужеземные. Но континентальная система затворила берега Бельта, славолубие Наполеона удержало суда в пристанях отечественных, произведения земли стали добычей полумиллиона пришельцев. Должно, однако ж, отдать справедливость, что поляки переносили все великодушно... Надежда утешала их, – теперь и самая надежда исчезла. Поздно повязка ослепления спала с очей их, счастливы они, что победитель Наполеона, властитель судьбы их, был Александр Российский! Благодать небесная в лице Ангела-мироотворца явилась у врачевать тяжкие раны врагов своих, – победитель

Шел тихо, благостью великость украшал,
Луч утешительный окрест Его сиял,
Лик ясен был... как ясный лик надежды!..

Спрошу у самих поляков: простил ли Наполеон патриотов Испании и Италии? Уважил ли права немецких князей, оставшихся верными империи? Пощадил ли великодушных русских, не хотевших изменить царю и Отечеству?.. Я спрошу у них самих, от кого они пострадали более: от друзей и союзников своих французов или от россиян, которых почитали врагами?

Я объяснил уже выше, сколь пагубно правление избирательное; находясь в Варшаве, еще более убедился в этой истине: нигде почти не видно памятников славы и просвещения. Скромный обелиск Сигизмунда украшает тесную, неопрятную площадь, называемую *Краковским предместьем*. Впрочем, нет никаких богатств народных, достойных удивления и любопытства

путешественников. Все полезные заведения по большей части суть частные. Театр довольно хорош, но труппа актеров в распоряжении вольного содержателя Богуславского, который вместе и актер и сочинитель. Но часто случается, что труппа эта, отправляясь в другие города Польши, лишает на несколько времени столицу и сего невинного удовольствия. Сады Саксонский и Красинского суть единственные гулянья в Варшаве. Первый довольно обширен и расположен со вкусом, второй весьма тесен и заключается только в нескольких аллеях. Я любил гулять в садах сих, но для того только, чтобы восхищаться вкусом и ловкостью милых полек. Мне кажется, что насчет любезности, искусства одеваться и веселости варшавские женщины имеют первенство перед всеми другими.

Прекрасный мост ведет к Праге, столь достопамятной в Российской истории прошедшего столетия. Сколько воспоминаний, великих и ужасных, пробудилось в душе моей! Невольно вспомнил я ту бедственную ночь, когда ложный патриотизм заставил поляков забыть все права гостеприимства, совести и человеколюбия, когда сами женщины почитали славою убить безоружного, сонного воина. Обстоятельства того времени послужили бы им оправданием, если бы, подобно испанцам, они довершили начатое или погребли себя под развалинами своего отечества. Горестный вид Праги ослабил несколько мое негодование. Мстительная рука Суворова сокрушила грозный, почитаемый неприступным оплот Варшавы. Пламя и железо приближались к беззащитным стенам ее... уже кровь дымилась на развалинах Праги. Суворов мог истребить и столицу, и ее жителей – но не сделал этого... Со слезами раскаяния встретили депутаты победителя, и победитель предоставил Богу судить виновных! Жалкий жребий человечества! Теперь Прага, которая, как уверяют, была некогда красива и великолепна, не стоит даже названия хорошего селения. Крепость, по повелению нашего императора, разрушается, несколько сот бедных хижин не заслуживают ни малейшего внимания. Я искал человека, который бы показал мне место, где был похоронен некогда несчастный царь Василий Иванович Шуйский, умерщвленный насильственно вместе с братьями своими в темницах Варшавы, – над могилой его стоял столб с надписью на разных языках: *«Здесь погребен царь Московский и бояре»*, спустя уже 23 года царь Михаил Феодорович перенес тело венчанного страдальца в Москву и с приличной честью похоронил в Архангельском соборе, – никто не умел мне показать сего места. Могли ли тогда помыслить гордые властелины Польши, что через два века исчезнет и самое имя их государства, что потомки Рюрика будут давать закон миру?

Часто, задумавшись, бродил я по тесным улицам Варшавы, везде видел лица печальные, видел бедность и недостатки. Милосердие и кротость Александра, благородное обхождение его воинов побеждают, кажется, старую, несправедливую их ненависть к русским. Все благо-разумные люди полагают надежду на государя нашего, некоторые, и то молодые ветреники, ослеплены еще непобедимостью Наполеона и, несомненно, уверены, что в скором времени с торжеством явится он снова на берегах Немана. Но и эти так называемые патриоты отдают справедливость великодушию русских, ибо ни один из этих последних не хотел быть шпионом правительства, на все вольные, часто слишком дерзкие суждения друзей Наполеоновых показывают они на карте Германии места, где развеваются знамена русские! Должно согласиться, что ни одна армия не имеет столько отличных, хороших офицеров, как наша, – и потому в лучших обществах Варшавы русские пользовались лаской и уважением. Даже в самом низком звании народа заслужили они привязанность и почтение. Редкие из них пользуются правом войны, за все взятое платят щедро и разве что в случае самой крайности прибегают к строгим мерам. Французы располагали деспотически собственностью поляков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.